

«КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО» ПО-СТАРОРУССКИ

Переводные детективы Эдгара По, Мориса Леблана и Конан Дойла нашли себе благодарную публику в дореволюционной России. Ими зачитывались все — от гимназистов-второгодников до высших сановников.

Самым массовым спросом детективов пользовался, выйдя на книжный рынок в виде бесконечных серий типа "Пещеры Лейхтвайса". Гимназисты, экономя на завтраках, покупали копеечные ярко раскрашенные брошюрки с головокружительными приключениями великих сыщиков Ника Картера, Ната Пинкerton и Шерлока Холмса (к Конан Дойлу никакого отношения не имевшего). Несмотря на заграничный антураж, судя по всему, чужеземные имена использовались лишь как торговая марка, а сами приключения сочинялись где-нибудь на Васильевском острове или в Замоскворечье. Впрочем, не меньшей популярностью, чем американские зубодробительные детективы, пользовалась серия приключений русского сыщика Путилина. **Иван Дмитриевич Путилин** — фигура вполне реальная, это был действительно суперпрофессионал, дослужившийся от младшего помощника надзирателя до начальника Петербургской сыскной полиции.

Его коллега — начальник Московской сыскной полиции (а потом и глава сыска всей Империи) **Аркадий Кошко** прославился не меньше, заслужив прозвище "русского Шерлока Холмса". Аркадию Францевичу русская сыскная полиция во многом обязана тем, что в 1913 году получила первое место в мире в номинации "раскрываемость преступлений". Оказавшись в эмиграции, Кошко издал свои мемуары "Среди убийц и грабителей".

Можно вспомнить **Всеволода Крестовского**, автора "Петербургских труб" (чем не детектив?) и романа "Вне закона" (главный герой из корыстных побуждений отправляет к праотцам своегоядошу-благодетеля). Или же **Николая Гейнце**, прославившегося как автор уголовно-бытовых романов, которые нередко строились на основе криминальной хроники ("Женский яд", "По трупам", "Под гнетом страсти"). А предтечей советского шпионского детектива стал **Николай Брешко-Брешковский**, написавший несколько книг о кознях германо-австрийских агентов против России ("Гадины тыла", "В сетях предательства", "Ремесло сатаны").

Андрей ЯШЛАВСКИЙ.

С "НТВ-профит" мы не договорились, но есть еще несколько вариантов. Главная проблема в том, что у российского кино сейчас очень мало денег. Я не могу допустить, чтобы экранизация Акунина была дешевой. Она должна быть фактальной. Костюмные драмы требуют больших денег. Дороже всего стоят уличные сцены... Это надо сделать на таком уровне, как это снимается в английском кино: когда ты смотришь и веришь. До тех пор, пока на это денег выделено не будет, — я согласен ждать. Я пишу детективы не про чеченскую войну, это можно экранизировать не сейчас, а через пять лет...

— Ваши сочинения очень топографичны, и сдается мне, скоро романтические прогулки московского общества будут совершасть не только по булгаковским маршрутам, но и по "фандоринским". Чего-то вроде путеводителя нет в ваших планах?

— Нет, я бы не советовал изучать историю Москвы по моим романам и вообще историю: все-таки это не исторические романы, это детективы. Та Москва и та Россия, которые там существуют, — они несколько условны.

Вместе с тем, действительно, меня интригует очень Москва как город, как Большой Город, как старинный город. Я чувствую в нем и магию, и загадку, и, насколько это возможно, стараюсь передать это ощущение в своих романах. Когда я смотрю на улицы старой Москвы, мне иногда кажется, что я вижу их не такими, какие они сегодня, — я вижу их многослойными. Я вижу призраки и тени домов, которые стоят под стеклом и бетоном. Они никуда не делись, они здесь. Потому что точно также, как можно перемещаться в пространстве, — точно так же существует карта, где одна точка показана в разных пластиках времени. Есть места в Москве, где эта концентрация времени, где оно застаивается, как в низинах, особенно ощущается...

— Старое кладбище Донского монастыря, о котором вы писали?..

— Я люблю туда ходить, это очень странное место, странное в разных отношениях. Во-первых, ты проваливаешься во времени совершенно. И во-вторых, это странное кладбище, на котором абсолютно не возникает страха перед смертью: она воспринимается там как какая-то неотъемлемая и даже уютная часть бытия.

Я его исходил вдоль и поперек, я работал там рядом в издательстве "Русский язык", и мы туда ходили распиливать... Это было каждый присутственный день. И я уж там ходил-ходил, я уж там смотрел-смотрел, и каждый раз, когда я туда приходил, — я обнаруживаю какие-то очень интересные могилы, на

НЕСКРЕДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГРИГОРИЙ ЧХАРТИШВИЛИ

Геннадий АБРАМЕНКО

Родился в 1956 году. окончил Институт стран Азии и Африки МГУ. Переводчик с японского и английского языков. Автор книги "Писатель и самоубийство" (1999). Заместитель главного редактора журнала "Иностранный литературы". Под псевдонимом "Борис Акунин" публикует серию романов "Приключения Эраст Петровича Фандорина". В настоящее время вышли в свет: "Азазель", "Турецкий гамбит" (оба 1998), "Левиафан", "Смерть Ахиллеса", "Особые поручения" (все — 1999), "Коронация" (2000).

которые никогда раньше не обращал внимания. Оно компактное и в то же время какое-то трехмерное, оно раздвигается. Действительно замечательное место. Там есть женское надгробие человеческой красоты — можно влюбиться, я не знаю, стоит ли оно там до сих пор... Но сейчас там, конечно... Наша замечательная православная церковь вошла в силу и старается там все, что можно, испортить: уже там ходят какие-то охранники в маскарадах, туда нельзя, сюда нельзя...

— И все же. Эраст Петрович в церкви не ходил, инвидиуалист совершивший, космополит... Какие-то идеологические прочтения здесь уместны?

— Нет, не думаю. Если идеология в этой серии есть, то это идеология совсем иного плана. Она близка к тому, что называют национальной идеей. Потому что для меня национальная идея — это не пустой звук. Я очень хорошо понимаю, что в большой стране, да и в маленькой тоже, без какой-то идеи, которая всех способна объединить ради чего-то хорошего, сделать что-то невозможно. А в России надо что-то делать. Просто у нас обычно, когда произносят слова "национальная идея", возникают всякие жутковатые ассоциации: или ксенофобство, или...

Я имею в виду нечто совсем иное. Что-то хорошее, что в России есть, что принадлежит только ей, и на чем можно построить что-то тоже хорошее. В ней есть нечто совершенно определенно хорошее, что, я надеюсь, чувствуется в романах Акунина. Это русская культура и русская литература. Великая. Это то, за что не стыдно ни перед кем. Это, может быть, лучший образец литературы, вообще существующий в мире. Почему бы это не взять за национальную идею?

В русской литературе есть главное: есть система нравственных координат. Совершенно четко можно оттуда почерпнуть: что такое хорошо и что такое плохо. Там все есть. Если ис-

пользовать эту систему как некий нравственный камертон, то это достаточно твердая точка опоры. Просто я не хочу звучать сейчас как проповедник, потому что массовая литература — это массовая литература...

— У массовой литературы свои методы. На героев детектива, к примеру, мальчики мечтают быть похожими. Мальчики читают?

— Мальчики читают, как ни странно. Дети моих знакомых, которые ничего, кроме компьютера, не читают, — Акунина читают, мне это очень нравится.

— Хотят быть похожими на Фандорина?

— Я сам хотел бы быть похож на Фандорина!

— Он для вас — кто?

— Несбывшаяся мечта. Князь Мышкин, который может защитить себя и других.

— Надо в оправдание нашего названия какой-нибудь бульварный вопрос...

— Эраст Петрович и женщины.

— Да!

— Да, Эраст Петрович — разбиватель сердец. Хоть он это делает вроде бы против собственной воли, он не хочет никому разбивать сердца, это происходит само собой. Потому что он такой невероятно красивый, обаятельный и неотразимый. Мечта всякого мужчины! У него, как у Джеймса Бонда, в каждом романе — новая подружка. Но подружки опять-таки разные: представляют собой целую галерею различных женских образов. Фандорин как мужчина, проходя по жизни, в то же время проходит и некоторую школу любви. Он плохой ученик в этой школе, в силу собственных биографических обстоятельств и некоторой примороженности. Но тем не менее периодически кому-то удается... растопить это ледяное сердце. (Смеется.) Так это будет продолжаться и дальше...